

В.Н. Тростников, г. Москва

Куда ушёл от нас поэт Константин Васильев?

В ранние советские годы на наших экранах демонстрировали фильм «Поэт и царь», в котором Пушкин непомерно идеализировался, а Николай Первый подвергался чудовищному оклеветанию, тогда считалось, что истинный поэт должен ненавидеть царя и быть его врагом.

Времена меняются, и теперь возникает новая тема: «Поэт и Бог». Ненависти и вражды первого ко второму уже не требуется и, более того, желательными являются любовь и сотрудничество. Религиозность поэта для многих читателей и критиков стала сегодня не просто положительным его качеством, а критерием того, вправду ли он поэт или так, рифмоплёт. Какой же вердикт можно вынести относительно религиозности Константина Васильева? Была она в нём или нет?

Прежде, чем отвечать на этот вопрос, надо сделать терминологические уточнения. Спор о религиозности или нерелигиозности кого бы то ни было, будет бессмысленным, если стороны не договорятся о том, что надо понимать под словом «религия». Что же оно означает? Его значение определяется самой его этимологией: «ре-лигия» по латыни означает «восстановление связи». Связи с чем?

Разумеется, с дополняющей нашу видимую реальность невидимой областью бытия, где завязываются и развязываются многие здешние узлы, - с потусторонним миром. Без этой связи материальная действительность не устояла бы ни одного дня, ибо она несамодостаточна и зависит от царства идей и смыслов. Поэтому, обсуждая степень религиозности поэта Васильева, надо установить, ощущал ли он необходимость такой связи, стремился ли к ней, искал ли её.

Как это узнать? В первую очередь, читая его стихи и вдумываясь в их содержание, ибо, если поиски такой связи занимали важное место в его жизни, то это не могло не отразиться в его поэзии. Ну, а дополнительную подсказку могут сделать те черновые наброски и стихи, написанные «для себя», где он прямо высказывается на эту тему, не имея в виду опубликовать свои суждения и потому ничего не утаивая.

Заметим, что споры, которые ведутся вокруг Васильева, чаще всего касаются не вопроса о его общей религиозности, а другого: был ли Костя христианином. Если определять принадлежность к христианству не по формальным признакам, а по общему строю внутреннего мира, то эти вопросы можно считать равнозначными. Какая же ещё могла быть религиозность у человека, имевшего за собой многие поколения православных верующих, родившегося и всю жизнь жившего на святой земле в двадцати верстах от Ростова Великого и в пятидесяти метрах от исторического Борисоглебского монастыря, представляющего собой одну из лучших жемчужин «Золотого кольца России», - мусульманская, что ли, или буддийская? Коли уж в его душе было религиозное чувство, то, конечно же, оно имело христианскую, а точнее, православную окраску – другой у него просто неоткуда было взяться.

Но многие подходят к делу именно формально. Костя не был крещён, в храм, живя рядом с ним, ни разу не зашёл, а значит, ни разу не причастился – какой же он христианин? И не только не христианин, но и неверующий, ибо по слову апостола Иакова, вера без дел мертва. Это очень серьёзный аргумент, который нужно рассмотреть со всей тщательностью.

Для этого нужно разобраться в том, что на самом деле волнует участников дискуссии. В ней наверняка есть какая-то скрытая подоплёка. Её истинным предметом не может быть христианство или нехристианство, религиозность или безрелигиозность Васильева, ибо само по себе это не имеет значения. Предположим, нами математически точно доказано, что он был безбожник, - ну, и что дальше? Бегать и сообщать всем сенсационную новость, что хороший поэт может быть атеистом? Какая же это новость, мы давно о том знаем хотя бы на примере Маяковского. Нет, тут прячется какая-то более важная мысль, какое-то более живое чувство, придающее спору не академический, а эмоциональный характер. Кстати, а кто эти спорящие? Они все знали Костю, дружили с ним, любили его. Это и даёт нам ключ к подоплёке. Им безразлично, какие ярлыки можно было навешивать на Костю при жизни – это дело уже прошлое и поэтому неактуальное, - но им далеко не безразлично, какова его нынешняя судьба: стелет ли и мучается его бедная душа или обрела наконец покой в горнем мире, «где несть болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная». Вот что в действительности хочется знать тому, кто общался с Костей. – Где ты теперь, дружок, хорошо тебе или плохо? – задумывается он, может быть даже и не облакая свою задумчивость в слова, а сердцем пытаюсь проникнуть в неведомое. Давайте же поговорим на эту тему прямо и без обиняков.

В православной традиции обретение после окончания земной жизни вечного блаженства называется спасением, поэтому предмет нашего обсуждения можно сформулировать так: мог ли Константин Васильев, несмотря на то, что не был крещен и воцерковлен, все-таки спастись.

Этот единственно важный для нас вопрос включает в себя вопрос о его религиозности в качестве своей части. Религиозность человека тесно связана с его спасением, поскольку, если в нем нет ощущения чего-то высшего в бытии, если это ощущение не является для него более дорогим, чем все остальные, и если он не стремится душой к этому высшему, как он сможет вписаться в Царство Небесное? Ведь ощущение высокого приходит к нам оттуда и служит предзнаменованием и залогом соединения с этим высоким в его октологическом, реальном виде. Владимир Соловьев писал, что в человеческой психике имеются три основные элемента: чувство стыда по отношению к низшему в себе; чувство сострадания по отношению к равному себе (ближнему) и чувство благоговения по отношению к более высокому, чем человек. Тот, у которого атрофировано чувство благоговения, у кого нет в душе святости, неизбежно перестаёт стыдиться своей животной природы и превращается из человека в скота, а как можно впустить скотину в райские обители? Да ей и самой там не понравится, так как там нет тех грубых чувственных удовольствий, к которым она приучила свою душу за период земной жизни. Таким образом, религиозность, с которой мы начали разговор, является необходимым условием спасения и, возвращаясь к конкретному вопросу о религиозности Константина Васильева, мы, по существу, будем выяснять, выполнялось ли в данном случае это необходимое условие.

Если приводить все стихотворения, в которых Васильев размышляет о высшем мире и вечности, о соотношении человека и Абсолюта, о потусторонней действительности, цитированию не будет конца. Не менее четверти его поэзии прямо или косвенно посвящено этой теме. Приведём, например, следующие строки:

Я и сам играл без правил...

Но, набравшись сил,

по своим местам расставил

всё, что сохранил.

Я и сам не видел смысла

жизни на земле,
но и мне открылись Числа
в небесах, во мгле.
Но и мне открылись Сроки,
призван я на Пир...
Мир прекрасный, мир жестокий –
это Божий мир.

Это вдохновенное, глубоко религиозное двенадцатистишие говорит само за себя. Хотелось бы только отметить, что, во-первых, поэт открывает нам здесь не просто свою Веру, но и свой путь к Вере; а, во-вторых, он выдаёт то, в чём никогда открыто не признавался: знание Евангелия. Причём это – усвоенное, ассимилированное сознанием и ставшее его неотъемлемой частью знание: упоминание о Пире тут не есть механическое воспроизведение запомнившейся притчи, а переплавленный, а значит много раз бывший предметом размышления сюжет. В этом легко убедиться, прочитав оригинальный текст: «Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир» (Мф. 22,2) Васильев намекает на это место из Евангелия всего одним словом «Пир», написанным с большой буквы, и ничего не расшифровывает, считая, что кто знает, тот поймёт, а кто не знает, тому и понимать не надо. Такая сдержанность является вернейшим признаком благоговейности: о святине, если ты относишься к ней серьёзно, не подобает много разглагольствовать. Васильев не разглагольствовал о высоком, касался его всегда очень деликатно, а значит, необходимое условие им было выполнено. На вопрос, был ли Васильев религиозным человеком, бесспорно надо дать положительный ответ.

А теперь о том, что для нас существеннее – о достаточном условии. Здесь всё уже становится гадательным, но в своём гадании мы будем придерживаться православной сотериологии (так называется раздел богословия, относящийся к спасению) – единственной, которая не подверглась искажениям с апостольских времен. Чтобы лучше понять её суть, надо сравнить её с католической и протестантской.

В католицизме всё чётко и ясно: спасение осуществляется Церковью и только Церковью: в ней спасение, вне её – погибель. Вся католическая догматика направлена на обоснование этого тезиса. Латиняне добавили к Символу Веры слово «филиокве» (и от Сына), означающее, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Христа. Зачем понадобилось им изменить текст, утверждённый Вселенскими Соборами? Это становится понятно, если учесть другой католический догмат – о статусе Папы Римского, согласно которому он есть заместитель (викарий) Иисуса Христа на земле, т.е. для папства тот же Христос. Отсюда следует, что, если Святой Дух исходит от Христа, то он автоматически исходит и от его земного дублёра, сидящего в Ватикане, а поскольку Святой Дух обладает свойством попалять грехи и делать человека пригодным для Царствия Небесного, то желающему туда попасть надо войти в католическую Церковь, стать её верным чадом, а главное – жертвовать ей своими денежками, и тогда её предстоятель своим благодатным действием откроет ему двери рая.

У протестантов всё наоборот: они вообще не нуждаются в Церкви, у них человека спасает вера, которая существует в глубине его души, и только он один знает, есть она там или нет, поскольку она может не иметь никаких внешних подтверждений. А в той разновидности протестантства, которая именуется кальвинизмом, простота сотериологии достигает предела: здесь спасение или

погибель каждого человека predeterminedены ещё до его рождения на свет, и хоть головой бейся о стену, изменить свою судьбу невозможно. Правда, милостивый Господь идёт навстречу тому, кому предназначено блаженство, и если он будет добросовестно делать дело, к которому приставлен, - например, работая палачом, ловко рубить головы, а, будучи ростовщиком, драть хорошие проценты, - то ему будет сделана с неба ободряющая подсказка, что он спасётся.

Ну, а что у православных? Ими отвергаются оба эти крайние взгляда. В отличие от протестантов, они отводят Церкви громадную роль в деле спасения души, но в отличие от католиков, не настаивают на том, что спасение возможно исключительно через Церковь. Православная сотериология хорошо поясняется аналогией, приведённой одним из святых отцов. Представьте себе ледоход на широкой реке, например, на Енисее. Может ли человек, перескакивая со льдины на льдину, перебраться на другой берег? В принципе, у кого-то может это получиться, но так повезёт разве что одному из миллиона, остальные утонут. Вот самостоятельное спасение! А рядом стоит мост, по которому любой может перейти реку, и этот мост – Церковь, которую Христос для того и основал, чтобы люди переправлялись на берег вечной жизни. Недаром православный храм называется кораблём спасения, и даже сама его форма вызывает в сознании верующих этот образ. Конечно, возможность внецерковного спасения не пропагандируется нашим священством - это было бы столь же вредно, как пропагандировать прыганье по движущимся льдинам, - но в восточнохристианском богословии монополия Церкви на выдачу билета в Царствие Божие никогда не провозглашалась. И для этого есть серьёзные основания в речениях самого Христа.

Что непосредственно спасает человека? Как было уже сказано, Святой Дух. Только этот Великий Хирург способен сделать нам на субмолекулярном уровне операцию по удалению раковой опухоли первородного греха, доставшегося нам в наследство от Адама и Евы. «Прииди к нам, и вселися в нас, и очисти нас от всякия скверны», молится Святому Духу православный христианин в ежедневном утреннем правиле. Но к кому Он придёт и на кого направит Своё очищающее дыхание – никому не известно. «Дух дышит, где хочет», ответил Иисус израильскому учителю Никодиму на его вопрос об этом. (Ин 3,8) Ведь, очищая людей «от скверны» и готовя их таким образом для Царства Небесного, Дух набирает контингент его насельников, а какими они должны быть, какие человеческие качества там более других востребованы, знает только сам Дух. Впрочем, об одном из таких качеств мы можем сказать достаточно уверенно, поскольку на его счёт имеем откровение в Священном Писании. Это – смирение. Тот, кто уповает на собственные заслуги, считая их очень большими, кто превозносится, говоря «уж кто-кто, а я - то точно спасусь: ведь я никого не убил, ни у кого не украл и делал людям только хорошее», тот потерпит фиаско, а ставящий себя ни во что, исполненный чувством своей греховности и уверенный, что он недостойн быть с Богом, как раз и может быть взятым Им к себе. «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (Иак. 4,6) Смирением своим человек даёт Духу согласие на операцию.

Это очень важное назидание, исходящее от самого Бога. Оно содержится, в частности, в одной из Иисусовых притчей, в которую нам необходимо вчитаться.

«Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! Будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18,10).

Нет никакого сомнения, что Константин Васильев был как раз таким мытарем, - это, вероятно, главная его характеристика. Не будь он поэтом, о том можно было бы заключить лишь по

косвенным признакам, но, имея от Бога дар, а значит и повеление выражать свои чувства в словах, он сам сказал об этом.

Сомкнувши намертво уста,
не поминаю я Христа.
Но я живу, но я Его,
быть может, знаю, знаю так,
как знать не может большинство,
шагающее, как в кабак,
в сияющий над бездной храм.
Я не пойду за вами – сам
Я не пойду, я не пойду.
Мне место, стало быть, в аду?
Но что вы знаете про ад?
Его вы ощущали здесь?
Иль я пред вами виноват?
О, Господи, какая честь!
Как вы трепещете, когда
иду меж вас, сомкнув уста.

Этот мытарь двадцатого века, как и тот, древний, «стоял вдали» и так же серьезно относился к Богу и своим прегрешениям перед Ним. Он до конца своей жизни так и не решил, вправе ли он перейти порог Божьего храма. Он опасался сделаться под его сводами самодовольным фарисеем, похожим на некоторых своих знакомых, которые чуть ли не силком хотели затащить его в крещальную купель и воцерковить. Для его тонкой натуры была неприемлема католическая модель спасения, которая, неизвестно почему и как, утвердилась в умах этих русских людей. В горькую минуту он ответил им резким стихотворением, которое нигде не напечатал. Мы взяли на себя смелость его опубликовать, поскольку оно многое ставит на свои места.

Эти речи о Боге и Вере!
Сколько можно! О, чтоб я оглох.
Из каких, извините, материй
состоит ваш игрушечный бог?
Как боитесь вы жизни и смерти,
как хотите проснуться в раю,

вы уверены – тянутся черти
вслед за мною по душу мою.

Я Его поминать не намерен,
я Его и не знаю, увы.

Пусть для вечности весь я потерян,
ну а вы-то, а вы-то, а вы?

Когда грешная Маргарита из «Фауста» умерла, и по всем человеческим представлениям погибла, раздался голос с неба: Спасена!. О судьбе покинувшего здешний мир поэта Константина Васильева голос ничего нам не возвестил. Но, учитывая то, о чём мы здесь говорили, можно надеяться, что Господь за его страдания, его смирение и за его прекрасную поэзию, возвышающую души людей, смилостивился над ним и взял его в Свои светлые обители.